

Лир Фанни

Роман в царском доме

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф21

Ф21 **Фанни Л.**
Роман в царском доме / Лир Фанни – М.: Книга по Требованию, 2022. –
140 с.

ISBN 978-5-519-93564-7

ISBN 978-5-519-93564-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ражанія не только лицамъ, принадлежащимъ къ его семьѣ, но и всѣмъ, пользующимся его особенной симпатіей и довѣріемъ. Вы знаете, г-да, что права и власть этого сверхчеловѣка надъ милліонами людей неограничены ничѣмъ и выражены въ постановленіяхъ, имѣющихъ страшную принудительную силу для этихъ милліоновъ, а его обязанность дѣйствовать для блага своихъ подвластныхъ не обеспечивается никакою принудительною санкціей и существуетъ въ видѣ простой и неопредѣленной идеологій. Ему обязаны повиноваться „за страхъ и за совѣсть“, между тѣмъ какъ доброкачественное пользованіе имъ своею властью обусловлено только его совѣстью безъ примѣси всякаго страха за дурное ея употребленіе. А что, если этой совѣсти нѣтъ, если за внушенія совѣсти принимаются внушенія эгоизма и личнаго самосохраненія, если при такихъ условіяхъ совѣсть-то даже не имѣетъ возможности развиваться и въ лучшихъ случаяхъ можетъ только вспыхивать искрами, быстро потухающими въ чаду эгоизма и самомнѣнія человѣка, не знающаго предѣловъ своему произволу? Такое отсутствіе, анемія или вырожденіе совѣсти есть вѣдь болѣзнь, неизбѣжно постигающая людей, обладающихъ не только столь безграничнымъ, но и гораздо меньшимъ этого произволомъ. Люди въ такомъ положеніи начинаютъ обыкновенно пользоваться своею властью для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей и вкусовъ, при чемъ одни дѣлаютъ это сознательно, а другіе потому, что теряютъ всякое сознаніе различія между своими и чужими потребностями, такъ что имъ кажется, что пріятное имъ должно быть пріятно и для другихъ и даже, что другіе-то должны быть счастливы уже тѣмъ однимъ, что имъ хорошо. Практика нашихъ помѣщиковъ втеченіе крѣпостного права представляетъ хорошій примѣръ такого нравственнаго состоянія, и такъ какъ государи наши по отношенію къ Россіи также помѣщики, но только надѣленные безконечно большею властью сравнительно съ прежними крѣпостниками, то гдѣ же, какъ не въ ихъ средѣ и должны сказаться съ особенной силой всѣ эти

вышепомѣченные мною извращенія моральнаго существа чловѣка, въ основной сущности своей сводящіеся къ слѣдующимъ двумъ главнымъ: гиперертротрофіи личныхъ стремленій и атрофіи всякихъ альтруистическихъ побужденій. О совѣсти, диктующей обязанности, тутъ нечего и говорить; не надо слишкомъ углубляться въ исторію нашихъ самодержцевъ, чтобы усмотрѣть, что у всѣхъ ихъ она занимала очень второстепенное мѣсто, и если искорки ея и вспыхивали порою въ душѣ лучшихъ изъ нихъ, то онѣ скоро же и погасали при энергическомъ содѣйствіи разныхъ изверговъ, къ которымъ они въ концѣ концовъ и сами обращались, какъ къ солиднѣйшимъ опорамъ трона и самымъ надежнымъ своимъ тѣлохранителямъ. Такъ погасъ огонь либерализма въ душѣ Александра I-го, который кончилъ тѣмъ, что пустилъ хозяйничать въ ней изверга Аракчеева и, оставивъ себя людьми, которыхъ по его собственному признанію „не желалъ бы даже имѣть лакеями“, горько жаловался на окружавшее его безлюдье, какъ будто не самъ онъ произвелъ его, оттолкнувъ отъ себя всѣхъ, не желающихъ быть лакеями, а виновата была во всемъ Россія, не производящая такихъ людей. Лакеевъ-то, видите, презирають, но не-лакеевъ боятся и потому предпочитаютъ поручать судьбы отечества лакеямъ. Такъ всегда было, такъ оно вышло и съ Александромъ II-мъ: подѣ потрясающими впечатлѣніями се-вастопольскаго погрома онъ совершилъ рядъ великихъ преобразованій, опираясь на лучшихъ людей Россіи, а потомъ, по примѣру своего дѣдушки, отдалъ эту обновленную имъ Россію въ руки лакеевъ, которые стали тянуть ее назадъ и своими страшными жестокостями вызвали катастрофу, погубившую этого государя. О совѣсти прочихъ государей нашихъ много говорить не приходится, такъ какъ всѣ они дѣйствовали въ интересахъ охраненія во что бы ни стало своей чудовищной власти, вдохновляясь чувствомъ ожесточенной ненависти ко всякимъ новшествамъ. Это были такъ называемые „жандармы реакціи“. Самый выдающійся изъ нихъ—Николай I—стремился быть такимъ жандармомъ

и для Европы, а относительно Россіи только о томъ и заботился, чтобы никто не смѣлъ въ ней дохнуть безъ его дозволенія. Интересно, однако, то, что и этотъ рыцарь мрака не скрывалъ отъ себя страшнаго зла своего управленія. Побывавъ на представленіи „Ревизора“, онъ, какъ извѣстно, сказалъ, что считаетъ себя главнымъ виновникомъ растлѣнія русской администраціи, яркіе образчики котораго видѣлъ на сценѣ; въ другой разъ, не помню уже по какому случаю, онъ весьма мѣтко охарактеризовалъ зло своего, да и всякаго, впрочемъ, бюрократическаго правленія словами: „въ Россіи всемъ управляютъ столоначальники“. Какъ, видите, онъ хорошо сознавалъ и зло и его виновника и однако для исправленія самого-то зла ничего не сдѣлалъ. Въ его сознаніи своей вины не только что нѣтъ уже и крупинцы раскаянія, но есть, напротивъ, какое-то хвастовство своей виноватостью, въ томъ смыслѣ, что-то все доброе и злое въ Россіи имѣетъ своимъ источникомъ царя, подобно тому, какъ добро и зло въ природѣ имѣетъ своимъ источникомъ бога. Это лишь одна изъ многихъ позъ всемогущества со стороны величайшаго изъ русскихъ коронованныхъ мастеровъ на подобнаго рода позы. Скажутъ — это все уже прошлое; да, но только настоящее-то не только не противорѣчитъ этому прошлому, но мы, напротивъ, видимъ въ немъ явленіе еще болѣе печальное въ лицѣ нынѣ царствующаго Николая II-го. У него уже не то что сознаніе зла не пробуждаетъ желанія къ его исправленію, но и самаго сознанія то уже нѣтъ; оно исчезло, убѣжало куда-то, оставивъ въ душѣ его совершенно „гладкое мѣсто“, подобное тому, которое зяло на лицѣ у гоголевскаго майора Ковалева на мѣстѣ его исчезнущаго носа. Онъ ничего не знаетъ, ни о чемъ не имѣетъ понятія и среди все усложняющихся обстоятельствъ русской жизни идетъ, какъ слѣпой въ темномъ лѣсу, ведомый подъ руки своими бюрократическими опекунами къ завѣтной цѣли всѣхъ бюрократій — уничтожить всякое противодѣйствіе словомъ и дѣломъ ея своеволю. Для удовлетворенія этой цѣли, какъ слышно, составлена уже цѣлая система разныхъ

мѣропріятій противъ земства и прессы; нѣкоторыя, какъ напр. ограниченіе предѣла земскаго обложенія, уже приводятся въ исполненіе; другія приостаповлены заботами о военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ, но будутъ осуществляться, когда эти заботы отойдутъ на задній планъ, потому что бюрократія не хочетъ никакого контроля надъ собою, кромѣ царск. го, по той причинѣ, что цари всегда въ рукахъ бюрократіи, а нынѣшній царь сталъ простымъ знаменемъ въ ея рукахъ. И царь не понимаетъ, что душить такимъ образомъ Россію къ удовольствію своихъ чиновниковъ значитъ презирать свою страну, быть врагомъ своего народа и воспитывать въ обществѣ чувства ненависти и презрѣнія къ себѣ, которыя не все же будутъ бездѣйствовать и всегда сумѣютъ найти для себя какой-нибудь неожиданный выходъ. Не понимаетъ онъ, что нельзя уже управлять новой Россіей съ ея освобожденнымъ отъ крѣпостного права народомъ, университетами и милліонами учащихся въ низшихъ и среднихъ школахъ, какъ управляли ею при помѣщикахъ. Почему же не понимаетъ онъ этой столь очевидной истины? Не потому ли, что умъ его слишкомъ слабъ? Но не пужно великаго ума, чтобы понять государю, что, напримѣръ, оскорблять угрозами представителей общества, смиренно поздравляющихъ его со вступленіемъ на престолъ,—грубо и неприлично; что позволять полиціи безнаказанно хлестать всенародно пагайками русскую учащуюся молодежь на петербургскихъ улицахъ, значитъ не имѣть никакого чувства человѣческаго достоинства; что издавать напоминающее ужасы царствованія Николая I-го постановленіе объ отдачѣ студентовъ въ солдаты за нарушеніе нашихъ нелѣпыхъ правилъ общей и университетской полиціи, значитъ доводить до отчаянія учащееся юношество и объявлять солдатскую службу въ русской арміи наказаніемъ; что имѣть закономъ установленные суды и предоставлять администраціи, министрамъ и губернаторамъ, расправляться съ людьми помимо этихъ судовъ, ссылая и сажая въ тюрьмы кого имъ заблагоразсудится—значитъ не имѣть никакого понятія о законности и воспитывать

въ обществѣ мысль о естественной самооборонѣ насиліемъ противъ насилія, и что, наконецъ, отвѣчать равнодушнымъ молчаніемъ на несущіяся изъ всѣхъ угловъ Россіи молибы объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, позорящаго русскій народъ передъ лицомъ всего цивилизованнаго міра, значитъ, сидя на русскомъ тронѣ, выказывать совершенное презрѣніе къ человѣческому достоинству русскаго крестьянина. Тутъ дѣло не въ умѣ: довольно имѣть въ груди хоть малую искру уваженія къ народу и чувства національнаго достоинства, чтобы и самый обездоленный природою умъ просвѣтился и прозрѣлъ. Но въ томъ-то и дѣло, что этихъ чувствъ нѣтъ, они уже совершенно атрофированы, и, какъ яркій примѣръ ихъ полнаго отсутствія, мы и имѣемъ теперь передъ собою этотъ странный образъ государя, который, будучи, какъ говорятъ, по природѣ человѣкомъ добродушнымъ и скромнымъ, совершаетъ дѣла, удивляющія своею жестокостію и нахальствомъ. Все это я говорю, господа, для того только, чтобы показать, что совѣсть, диктующая обязанности, и прежде играла очень подчиненную роль въ дѣятельности нашихъ царей, если ей не придавали моментально силы какія-нибудь внушительныя катастрофы въ родѣ севастопольскаго погрома или грозы революціоннаго терроризма, вызвавшаго въ видѣ громоотвода „диктатуру сердца“ Лористъ-Меликова; въ пору же внутренняго и внѣшняго затишья она только и умѣетъ, что писать подѣ диктовку своей бюрократіи, какъ это мы и видимъ въ настоящее время. Такова политическая, такъ сказать, нравственность нашихъ самодержцевъ. Что же касается до ихъ нравственности въ обыденномъ значеніи этого слова, домашней и личной нравственности, то, я знаю, вы уже улыбаетесь при одномъ произнесеніи этого слова. Оно приводитъ вамъ на память развратную и роскошную жизнь нашихъ царицъ, а за ними и царей, которые являются на второмъ планѣ не потому, однако, чтобы они были въ этомъ отношеніи воздержнѣе первыхъ, а лишь потому, что и тутъ, какъ во всемъ, мужчинѣ прощается больше, чѣмъ женщинѣ, да еще и по той причинѣ, что

самодержцы мужескаго пола, имѣя возможность съ юныхъ лѣтъ упражняться исподволь въ развратѣ, не проявляютъ въ зрѣломъ возрастѣ той необузданной стремительности, какая является у женщинъ, для которыхъ такія раннія упражненія все же затруднительнѣе. Вообще о распутствѣ нашихъ царей, даже тѣхъ, которые считаются наиболѣе воздержными, можно бы написать большую книгу къ удовольствію любителей скабрезнаго чтенія. Еще больше можно бы сказать о нихъ безсердечной и не знающей границъ эксплуатаціи народа для удовлетворенія потребностей ихъ сластоустройства, роскоши и жадности къ увеличенію своихъ матеріальныхъ средствъ; но зачѣмъ много говорить, когда достаточно сказать одно: русская императорская фамилія считается первою въ Европѣ по своему богатству и блеску роскоши; а русскій народъ бѣднѣйшій изъ всѣхъ народовъ Европы и болѣе всѣхъ ихъ давленъ налогами и поборами. Кажется, что этимъ все сказано. Но оставимъ царей и обратимся къ ихъ близкимъ и дальнимъ родственникамъ, къ семьѣ Романовыхъ, въ числѣ членовъ которыхъ состоялъ мой кліентъ. Не отъ нихъ ли могъ онъ получить примѣры того высокаго подъема духа, котораго мы не нашли въ царяхъ? Пусть „яблоко не можетъ упасть далеко отъ яблони“, но императорская фамилія наша такъ многочисленна, что уже въ виду этой многочисленности ея, кажется, позволительно было бы ожидать въ ней хоть въ видѣ исключенія нѣсколько образцовъ подобнаго рода. Вѣдь „духъ божій вѣетъ всюду, гдѣ захочетъ“; вѣяніе его проникало во всѣ классы общества, въ семьи помещиковъ, сановниковъ, банкировъ... неужели только царская семья совершенно недоступна ему? Вы сами легко можете разрѣшить этотъ вопросъ, г-да: спросите-ка себя или кого угодно, знаете ли вы, знаютъ ли они хоть одного человѣка изъ всей этой семьи, пользующагося извѣстностью въ Россіи, какъ человѣкъ, который умомъ и сердцемъ своимъ стоялъ бы на высотѣ современныхъ потребностей русской жизни, видѣлъ бы въ ея стремле-

ніяхъ къ свободѣ и самоуправленію дорогую для него зарю новой человѣчной жизни своего отечества, гнушался бы безобразнымъ идеаломъ полицейскаго государственства, скорбѣлъ бы объ униженномъ положеніи русскаго крестьянства и былъ бы другомъ русскаго общества и народа? Ни одного не назовете, г-да! Какъ на лучшіе образчики этой семьи, вамъ укажутъ на нѣкоторыхъ лицъ, занимающихся филантропіей, педагогіей и даже литературой безъ всякаго вниманія къ тѣмъ общимъ условіямъ русскаго правленія, благодаря которымъ разоряется русскій народъ, задыхается русская литература и дѣло русскаго воспитанія приняло тотъ полицейскій характеръ, о которомъ такъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и общепризнанное теперь нравственное банкротство нашего средняго образованія и это хроническое инсurreкціонное настроеніе русскаго студенчества, выступающее наружу въ періодически появляющихся протестахъ. Знаю, что и при самыхъ высокихъ гражданскихъ идеалахъ наши великіе князья и княгини не много могли бы сдѣлать для измѣненія общихъ началъ русскаго правленія, подвѣдомственныхъ только государю да его „столоначальникамъ“; но я говорю не о дѣйствіяхъ, а лишь о чувствѣ, о направленіи разума и воли; будь оно въ комъ нибудь изъ нихъ, оно такъ или иначе да высказалось бы, вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь. Наоборотъ, спросите любого русскаго человѣка о членахъ царской семьи, извѣстныхъ въ Россіи своимъ разгуломъ, пьянствомъ, сладострастіемъ, жадностью и чванствомъ, и вамъ тотчасъ же назовутъ ихъ по имени и отчеству. Такова среда, къ которой принадлежит мой кліентъ. Какое же иное вліяніе могла она оказать на него, кромѣ развращающаго? Онъ былъ несчастенъ, что родился въ этой средѣ, и тѣмъ болѣе несчастенъ, что самыя худшія вліянія ея дѣйствовали на него со стороны его ближайшихъ родственниковъ — отца и матери. Отецъ его — великій князь Константинъ Николаевичъ, имѣлъ репутацію человѣка умнаго, образованнаго и даже слылъ большимъ либераломъ; но, подобно гоголевскому частному приставу, который, будучи боль-

шимъ покровителемъ искусства, всему предпочиталъ государственную ассигнацію, онъ въ концѣ кошцовъ предпочелъ блеску либерализма заботы о своемъ обогащеніи посредствомъ разнообразныхъ спекуляцій на поприщѣ морского и желѣзнодорожнаго строительства, проявивъ въ этомъ дѣлѣ стремительность, доходящую до маниі; мать же моего кліента была Мессалина *). Такіе родители не только что не могли сами оказать порядочнаго вліянія на сына примѣромъ собственной жизни, но они не сумѣли даже позаботиться о его воспитаніи и дали ему воспитателей, о которыхъ онъ вспоминалъ потомъ съ отвращеніемъ и ненавистью. Ничего хорошаго не могъ онъ также извлечь и изъ близкаго общенія съ средой людей ниже его стоящихъ, товарищей по службѣ и развлеченіямъ. Эта среда, г-да, была гвардія; было время, когда и въ ея среду проникало вѣяніе „духа божія“ — гражданскихъ добродѣтелей; но жизнь ея давно уже обратилась въ вѣчный праздникъ, прерываемый военными упражненіями и парадами, и ея представители, какъ молодые, такъ и старые, теперь изумляютъ лишь своею неутомимостью въ кутежахъ, соединенною со способностью во всякое время дня и ночи поглощать шампанское и разную снѣдь съ жадностью людей, которые видятъ въ этомъ свое призваніе. Этимъ-то они и возбудили къ себѣ такую восторженную симпатію со стороны возлюбленной моего кліента — Фанни Лиръ. Вы видите, г-да, что все, что окружало великаго князя, все, что стояло надъ нимъ, подъ нимъ и рядомъ съ нимъ не только что не могло дать ему никакой нравственной поддержки, но, напротивъ, клонилось къ подавленію и тѣхъ хорошихъ зачатковъ, которые были въ его природѣ. А между тѣмъ онъ особенно нуждался въ такой поддержкѣ, потому что самыя основныя свойства его характера убѣждаютъ насъ, что въ лицѣ его мы имѣемъ передъ собою одинъ изъ тѣхъ болѣзненныхъ продуктовъ наслѣдственности, которые извѣстны подъ именемъ дегенерантовъ. Въ самомъ дѣлѣ, всмотритесь въ

*) См. приложенія, прим. 1.

него: не есть ли онъ жертва наслѣдственнаго вырожденія своей семьи? Сознательное хищничество отца не обратилось ли въ сынѣ въ болѣзненный фактъ клептоманіи, а распущенное сладострастіе матери въ такую же всепоглощающую, непресборимую страсть къ жевшииѣ? Прибавьте къ этому болѣзненную первность моего кліента, дѣтскую неустойчивость его воли и бѣшеные порывы его темперамента; отсутствіе общей предусмотрительности въ его дѣйствіяхъ, соединенной съ проявленіями хитрости и здраваго сужденія въ его отдѣльных поступкахъ, и вы не усомнитесь, что передъ вами субъектъ болѣзненный со всеми признаками наслѣдственнаго вырожденія...

Но довольно адвокатствовать; подумаемъ лучше о томъ, не ссть ли этотъ несомнѣнный дегенерантъ только одно изъ наиболѣе яркихъ свидѣтельствъ [всеобщаго процесса вырожденія, захватившаго и всю нашу царствующую семейку? Не этимъ ли надо объяснить повальное отсутствіе въ ней всякаго благороднаго гражданскаго порыва, ея удивительное непониманіе потребностей времени, ея жестокую въ своей слѣпотѣ и позорной трусостью внушаемую вражду къ стремленіямъ русскаго общества и народа къ самоуправленію, законности, свободѣ мысли и совѣсти? Самый распорядитель историческихъ судебъ Россіи, нынѣшній царь Николай II-ой, этотъ наивный миролюбецъ, въ невинности разума и сердца своего не вѣдающій самъ, что творитъ, и тѣмъ не менѣе творящій безобразія, на которыя не рѣшался даже такой характерный и мрачный реакціонеръ, какъ его отецъ,—развѣ это не дегенерантъ? *) Вотъ что слѣдовало бы понять тѣмъ изъ нашихъ патріотовъ, которые за отсутствіемъ всякихъ иныхъ надеждъ мечтаютъ подчасъ о появленіи на русскомъ тронѣ какого-нибудь Петра Великаго новаго фасона, внезапно выступившаго для блага Россіи изъ вѣдръ этой царской семьи, члены которой, мельчая годъ отъ году, стали

*) См. приложенія, прил. 2.

накопецъ до того маленькими, тупыми и безсмысленными, что теперь только на то и годятся, чтобы быть игрушками въ рукахъ своего двора и своей бюрократіи. Нѣтъ, съ этой стороны ожидать спасенія намъ нечего; тутъ исконная вражда самодержавія къ свободѣ обратилась уже въ паническій страхъ передъ нею, и стремленіе упрочить крѣпостное право бюрократіи надъ Россіей является естественнымъ послѣдствіемъ этой постыдной трусости нашихъ царей передъ жаждой самоуправленія и законности, сказывающейся въ нашемъ измученномъ всякими беззаконіями обществѣ и народѣ.
